

16+

Александр Мильченко

Вспыльчивый-Обидчивый, Глухой и Забывчивый

Рассказ

Александр Мильченко

**Вспыльчивый-Обидчивый,
Глухой и Забывчивый**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мильченко А. С.

Вспыльчивый-Обидчивый, Глухой и Забывчивый /
А. С. Мильченко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Когда молодость соприкасается со старостью, когда юная любовь ко всему живому сталкивается с любовью только к себе, иными словами, когда росток любви еще не успел окрепнуть, а его начинают топтать, объясняя это тем, что росток растет долго и даст плод не скоро, — у человека начинает возникать великое сомнение на счет того, что любовь есть единственное благо и спасение людей. В оформлении обложки использована картина А. Саврасова «Лосиный остров в Сокольниках».

© Мильченко А. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

I

В середине весны 19.. года, а именно на следующий день после празднования Пасхи, я направился с самого утра к своей бабушке в село. Идти до нее было долго, часа три обычным шагом. Город, где я жил, и село, разделял густой и пышный лес, который приходилось обходить далеко на юг. Пройти же через необитаемый лес мне запрещали родители под предлогом диких животных. Наверно поэтому люди боялись проделать дорогу к селу, а не потому, что городской народ был совершенно равнодушен к жизни сельского.

Я никуда не спешил и наслаждался красотой природы, соединяясь с ней духовно. Я всегда был как-то чувствителен на те изменения, которые происходят с ней. Зимой, например, меня охватывает оцепенение: в голову ничего не приходит и все с рук вон валится; я больше частью становлюсь также хмур и холоден, и для меня наступает мертвое время. А вот весной, как сейчас, наоборот, я оживлен и весел, возрождаюсь вместе с природой. Стоит мне раз увидеть почки на деревьях или зеленую-презеленую траву, услышать резвый, после долгого затишья щебет птиц, вдохнуть побольше свежего воздуха, чтоб аж нос щипало, или душистого запаха, исходящего от соцветий, – так сразу я оживаю, внутренне крепчаю и радуюсь. Стоит мне испытать и прочувствовать вместе с природой это оживление, так мне сразу начинают казаться все мои прежние мысли и планы такими ненастоящими и пустыми, а природа одна единственная настоящая и важная, что хочется все бросить и поселиться в глуши этого самого леса! Хорошо, что такое желание мимолетно возникает в моей молодой душе. Ведь мне только девятнадцать! Сколько всего интересного еще ожидает меня, сколько неизведанного и нового!.. Но все же я не могу, скрывая и сдерживая эти возвышенные чувства, не видеть того отвращения, которое у меня все больше возникает к городской, до опустыления однообразной жизни; к каждодневной утренней суматохе всегда спешащих людей. Редко можно встретить обилие живых деревьев, а если и встречу, то уже старые, доживающие свой век. Где же природа, лес и животные? Может быть под старость, когда наберусь мудрости и опыта, у меня хватит духу осуществить мой ребяческий план... «А что? Нарубить лесу, построить сруб, вспахать землю под огород. Заодно проделать дорогу к городу. Всем хорошо будет, и мне хорошо. Буду странников принимать у себя, нищих может быть... Думаю хорошо можно будет обжиться. Не знаю точно, как все устроить, ну да ладно, после разберусь»

Размышляя таким образом, я с некоторым ободрением и нетерпением ждал этого дня в моей жизни, но все же открыто считал его несбыточной мечтой и обычной игрой воображения.

Свернув вправо, на узкую тропинку, которая впереди скрывалась за высокими желтыми камышами, мне с каждым шагом все сильнее чувствовался запах навоза, смешанный с запахом свежей росы и чистого воздуха. Такие запахи всегда говорили мне о том, что я уже в селе. Хотя было еще прохладно после заморозков, я все-равно радовался тому, что небо совершенно чистое, а лучи солнышка, показывавшиеся из-за высоких стволов деревьев, уже начинали согревать меня. Спускаясь по склону и все дальше отдаляясь от леса, мне впереди, прямо за камышами по правую сторону, виднелась первая сельская изба. По левую от меня сторону, через реку, было еще необработанное зеленое поле, кое-где покрытое белым инеем, по которому обгоняя меня, стремглав, как будто куда-то опаздывая, бежала счастливая, черненькая собачонка. Что она тут делала и куда бежала, мне было не дано знать; но увидеть ее здесь и сейчас было самое большое и отчего-то необычайное чудо! Я не останавливаясь смотрел ей вслед и улыбался. Налюбовавшись собачкой, я начал смотреть себе под ноги, на мокрую от росы траву, а потом на кривой горизонт, который как будто вот-вот окатит волною черное поле, на котором уже работали мужики; потом на небольшой лесок вдалеке, и железную дорогу, так неестественно выходившую из него.

Время в дороге прошло незаметно, и я уже был около бабушкиной избы. Бабушка, со свойственным ей характером, встретила меня теплым и шумным благословением. Меня всегда

смущало ее несдержанное поведение при наших встречах; но я успокаивал свою застенчивость той мыслью, что мы долго не виделись, а ее чрезмерную чувственность ко мне, оправдывал ее одинокой жизнью. Она жила одна с тех пор, как не стало бабушки, и, хотя мы на протяжении пяти лет звали ее к себя в город, она наотрез отказывалась.

С того дня, как бабушка умер, у бабушки в доме вечно темно, даже тогда, когда на улице во всю светит солнце.

– Бабушка!

– Что внучек? – говорила она, что-то копаясь у печи, пока я усаживался за стол, раскрывая окно.

– Ты почему все окна закрыла? Смотри какая на улице погода! Все цветет, солнышко светит.

– Та ну его, это солнце. Вот, лучше возьми пасочки поешь, да яичек крашенных. Вчера Катенька приходила, помогала красить. Вот, кстати, ее работа, смотри какое красивое вышло.

– Что за Катя?

– Как, что за Катя? – возмущенно спросила бабушка, – ты что, забыл, как с ней в детстве гулял? Она вон, в соседней избе живет. Чаю будешь?

Я одобрительно кивнул и нахмурился, вспоминая давно забытые мгновения из детства.

– Тогда подожди, самовар поставлю. А то знаешь, я думала ты позднее придешь. Не успела приготовить.

– Ничего страшного... Знаешь, о чем я по дороге все думал?.. Как было бы хорошо бросить учебу и в лесу поселиться или в селе хотя бы...

– Не мели глупости! Какой лес?

– Я знал, что тебе не понравится...

– Конечно не понравится! Нельзя учебу бросать, образование необходимо. Ты что!

– Да не ругайся, бабушка. Это я только так, пока в воображении представил. И ты представь, как чудно среди деревьев...

– Не хочу я такую самую настоящую чепуху представлять! – перебила она мое воодушевленное состояние. – Ведь что только в молодую голову не взбредет. Глупость одна, да и только. Лучше расскажи, как там родители проживают? Давно их не видела. Как учеба?

Между нами завязался такой простодушный и умеренный разговор, так сказать без всего лишнего и важного, который случается с нами каждый месяц с того самого момента, как бабушка осталась одна. Каждый раз она точь-в-точь задает одни и те же вопросы; а я стараюсь каждый раз делать такой вид, как будто эти вопросы я слышу впервые; но сухости в речи избежать не удастся. Бабушка сильно переменилась. Нет между нами уже душевных разговоров о Боге и вере, о жизни, в общем, которые мы так любили заводить раньше, и которые нужны мне были именно сейчас. Если я и заводил разговор о своих чувствах и переживаниях, она внимательно слушала и потом резко придавала другое направление нашей беседе. Я не решался спросить у нее, почему она так делает и не хочет говорить о том, что ее больше всего волновало. Казалось, что ее перестало что-либо интересовать. Я замечал по ее сосредоточенному виду, что в душе у нее совершалось что-то тягостное и мучительное, но что? – я не мог понять. Это было выше моего понимания...

Весна для простого народа – это не только время пробуждения, но и начало тягостного физического труда: подготовка земли к посадке, уборка двора, дома, скотины. Для рабочего человека, не городского, эти дела были самой жизнью, и впоследствии кормили на протяжении всего года. Для меня же, городского человека, это было большею частью забавой и просто хорошим делом, после которого я чувствовал себя бодрее, свежее, сильнее (как физически, так и умственно); но, что более примечательно, после работы в поле я ощущал какое-то приращение мне с рождения человеческое достоинство, которое никогда не чувствовал ни от одной городской работы. Скорее всего ввиду этой причины мне хотелось домик в лесу...

Поработав весь день в поле, в шесть часов вечера я собрался идти домой. Хотя бабушка упрашивала остаться, я наотрез отказывался потому, что мне было жутко находиться в этом доме; и потому, что после работы во мне было столько внутренней силы, что я непреодолимо захотел ходить и бегать, захотел соединения с природой.

Я счастливо передвигался по узкой тропе на краю села, подле поля. Солнце по невидимой дуге лениво направлялось ко сну, заменяя себя плывшими с севера темными тучами. Уже начинало пахнуть дождем. Хотя солнце своим присутствием обманчиво уверяло, что день не собирается заканчиваться, у меня возникало неопределенное чувство, что время уже позднее.

Мне нравилось смотреть на черную вспаханную землю, которая уходила далеко за горизонт, скрываясь возле небольшой рощи на склоне. От одного вида чернозема, я как будто ощущал его душистый запах. Осматривая широкое поле, я, в первую очередь, обратил внимание не на шумный народ, возвращавшийся с работы, а на одинокое дерево, стоявшее посреди поля, ближе к горизонту. Оно выглядело в этом месте как-то неестественно, словно не в своей тарелке, и невольно побуждало меня своим глупым расположением, несколько серьезно задуматься.

Пока я думал о пустом мешке, небо совсем затянулось тучами и начался небольшой дождь. Дойдя до камышей и пройдя брод, отделявший село от пустынной местности, я ускорил шаг и быстро добрался до главной дороги. Около леса стоял необычайно приятный запах свежей зелени. Я непреодолимо захотел пойти через него, а не в обход, как делал это раньше. Увидев впереди между двух деревьев немного утоптанную тропинку я, не предаваясь раздумьям, уверенно свернул со знакомой мне дороги.

II

Отличительная особенность начала и середины весны – затяжные светлые вечера, резко сменяемые, по непривычке, темной прохладной ночью. Не успеешь глазом моргнуть, как все ясное небо вокруг быстро покроется темным покрывалом ночи. Такие быстрые переходы всегда вызывали во мне недоумение и некоторое возмущение.

Сворачивая с дороги в лес я совсем не заметил, что уже наступил именно такой весенний вечерок. Я сообразил, что в лесу всегда темнее чем за ним, но не придал этому обстоятельству особой важности. Я не думал свернуть обратно.

Лес внутри оказался довольно просторным: деревья находились далеко друг от друга и можно было вдоволь разгуляться. Хоть стволы у деревьев были голые, сами ветви распушивались высоко над головой и соединяясь кверху, закрывали весь солнечный свет. В лесу было темно и плохо видно; все как в легком тумане. Было много отчего-то поваленных деревьев. Я не сразу обратил на это внимание. Меня все еще одолевало радостное беспричинное чувство любви ко всему живому, возникающее преимущественно в юношеском возрасте. Мне невыносимо захотелось пробежаться, и потому я не сдерживал себя в этом удовольствии. Я бежал что есть силы, преимущественно прямо, совершенно не глядя себе под ноги. Мне показалось даже, что я не бегу, а лечу по воздуху. Я бежал до того момента, пока легкие не начали болеть, а воздуху не доставало для нормального дыхания. После боли в груди последовало головокружение и боль в боку. Наконец я остановился, чтобы перевести дыхание.

Что это со мной было? Почему мне невыносимо захотелось бегать? Я и сам не знал хорошенько; знал только, что так надо.

Отдышавшись мне захотелось выпить воды. Голова еще кружилась, и я был словно опьянен от бега.

Я подошел к небольшому склону, намереваясь спуститься к ручейку, который я слышал, гудел слева от меня. Только я ступил на начало обрыва, меня сразу закружило, ноги поскользили по влажной от дождя траве, и я плашмя упал на землю. Меня поразила мгновенная боль

внизу ноги, я подумал, что сломал ее. Испуганно опустив голову, я намеревался увидеть что-то страшное и уродливое.

С ногой все было в порядке, но идти дальше не представлялось возможным.

Я не знал что делать дальше... Я один, посреди леса, ночью, ни людей, ни одной живой души поблизости, помощь далеко... Все бы дошло до отчаяния, если бы вдруг к своему удивлению, я не учуял запах коптилки посреди леса. «Откуда здесь этот запах? Не причудилось ли мне? Может кто-то развел костер поблизости и мне помогут?» Я непроизвольно поднял тело и осмотрелся по сторонам. Никого и ничего не было видно вокруг кроме пугающей темноты. Я машинально поднялся на одну ногу, и прыгая от дерева к дереву безостановочно, словно ищейка, двигался к источнику дыма.

Я увидел вдалеке, посреди темной глуши леса, отчетливо вырисовавшийся луч света. Он располагался прямо над землей, казалось исходил из нее, и был длинной около метра. Из-за нарастающей боли и под влиянием вездесущего мрака, я стоял в оцепенении и никак не мог сообразить, что я вижу перед собой. Простояв несколько минут в состоянии человека, совершенно не понимающего в каком он оказался положении, я невольно направился в сторону этой яркой линии. Чем ближе я подходил к ней, совсем позабыв о боли, тем яснее мне виднелись более темные очертания чего-то похожего на человеческую избу. Не отводя глаз от этой линии, я, однако, заметил нависшее над моей головою густое пахучее облако, выходящее из темной трубы. В мгновение ока я сообразил, что эта яркая линия был всего лишь луч света, исходящий сквозь щель между дверью и землей. Мне сразу полегчало на душе от этого понимания; с моего сердца как будто свалился тяжелый камень, мешавший спокойно дышать. По всему телу пробежало приятное чувство облегчения, а на лбу выступил прохладный пот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.